оэмой Александра Блока «Двенадцать», написанной в январе 1918 года,

начинается русская литература советского периода. Поэма была опубликована 3 марта в петроградской газете «Знамя труда» между там же опубликованными статьей «Интеллигенция и революция» и стихотворением «Скифы». Поэма создана поэтом в крат-

кий период мощного творческого подъема и всплеска, вызванного революционным потрясением. По словам А. Блока, «в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях» во всех областях жизни и,

прежде всего — в человеческих душах. Это был для поэта период трудных дум и страшных мыслей о крушении мира, страны, человеческой личности. Закончив статью «Интеллигенция и революция», он делает 9 января пометку в записной книжке: «Выпитость. На днях, лежа в темноте с открытыми глазами, слышал гул, гул: думал, что началось землетрясение». Разверзшаяся бездна пытала дух и все его суще-

ство, как никогда... Воспаленный разум, стремясь сблизить берега этой бездны, пытался постичь то, что же именно происходит, пытался цати» 1 апреля 1920 года: «В январе 1918 года я последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно написано в согласии со стихией; например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Позтому те, кто видит в «Лвенадцати» подитические стихи, или очень слепы к ис-

разглядеть, что же свершается на самом деле... Почти два с половиной года спустя, вспоминая этот мучительный период, А. Блок отметил в «Записке о «Двенад-

этому те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, будь они враги или друзья моей поэмы. Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике». И словно предвидя, какие кривотолки будут идти вокруг его поэмы, добавил: «Посмотрим, что сделает с этим время». Уже в 1949 году, в Париже, Георгий Иванов писал о том, что вокруг Бло-

кривотолки оудут идти вокруг его поэмы, дооавил: «Посмотрим, что сделает с этим время». Уже в 1949 году, в Париже, Георгий Иванов писал о том, что вокруг Блока еще долго будут идти противоречивые толки. Если теперь не идут, то лишь потому, что в России он забыт как «несозвучный эпохе», а в среде эмиграции — «в силу все возрастающей усталости и равнодушия ко всему, кроме грустно доживаемой жизни». И прозорливо утверждал: «Но когда-нибудь споры о личности Блока вспыхнут с новой силой. Это неизбежно, если Россия останется Россией и рус-

ские люди останутся русскими людьми». А толки и кривотолки вокруг «Двенадцати» начались сразу же после ее опубликования. И вызваны они были, прежде

всего, смятенностью душ и расстроенностью сознания. Ведь это было время, когда, по словам Андрея Белого, «появись «Нагорная проповедь» в 1918 году, то и она рассматривалась бы с точки зрения «большевизма» или «антибольшевизма». Люди ведь, как правило, требуют от поэта служения тому, чему они служат сами — зримому, внешнему миру. А дело поэта неизменно, оно незримо и крылато. Но толки вызваны были и самим характером поэмы, тем, что она, как и всякое великое творение, не позволяла рассматривать себя с точки зрения хулы или хвалы действительности. Как, впрочем, и с точки зрения принятия или непринятия реголюция.

волюции... Большевистская власть относилась к «Двенадцати» настороженно, потому что, как она считала, Блок ставил старые символы у врат новой действительности. Для тех, кто боролся с большевиками, Блок «кощунствовал», ибо именем Христа освящал революцию, разбойников: «На спину надо б бубновый туз!» И те, и другие были по-своему правы, в силу своего политического разумения. И те, и другие не прозревали того, что было постигнуто и изображено поэтом.

Уже через шесть дней после публикации поэмы, которую жена поэта Любовь

Дмитриевна Менделеева читала на поэтических вечерах, А. Блок 9 марта заносит в записную книжку: «О.Д. Каменева (комиссар Театрального отдела) сказала Любе: стихи Александра Александровича («Двенадцать») — очень талантливые, почти гениальное изображение действительности, Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их не надо (вслух), потому что в них востранателять и потому что в них востранателять почто в потому что в них востранателя то чето мы старые социалисты больше всего боимея. Маркенсты уметальности в потому что в них востранателя то чето мы старые социалисты больше всего боимея.

хваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся. Марксисты умные, — может быть, и правы. Но где же опять художник и его бесприютное дело?» Между тем, изначально поэт почувствовал в большевиках большую энергию, чем в их противниках. В письме к Л.Д. Менделеевой 28 мая 1917 года, задолго до революционного переворода, он сообщать «Есть своя странная правла и в том, ито

в их противниках. В письме к Л.Д. Менделеевой 28 мая 1917 года, задолго до революционного переворота, он сообщал: «Есть своя страшная правда и в том, что теперь носит название большевизма». «Страшная», видимо, потому, что это неизбежно влекло за собой радикальное переустройство жизни, которое благостным возбежно в потому в 18 меторое благостным в 18 меторое благо

безболезненным не бывает. А в ходе работы над поэмой, 18 января 1918 года, записывает в дневнике: «Вот что я еще понял: эту рабочую сторону большевизма». И чуть позже, 31 января: «Октябрьский переворот все-таки лучше февральского (немного пахнет самодержавием)». 10 марта А. Блок размышляет в дневнике в

связи с реакцией властей на поэму «Двенадцать»: «Марксисты — самые умные

Александр Александрович Блок

критики и большевики правы, опасаясь «Лвенадцати». Но... трагедия художника остается трагедией. Кроме того: Если бы в России существовало действительно духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы «учло» то обстоятельство, что «Христос с красногвардейцами». Едва ли можно оспаривать эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем. У нас, вместо того, они «отлучают от церкви», и эта буря в стакане воды мутит и без того мутное (чудовищно мутное) сознание крупной и мелкой буржуазии и интеллигенции. «Красная гвардия» — «вода» на мельницу христианской церкви (как и сектанство и прочее, усердно гонимое). Как богатое еврейство было водой на мельницу самодержавия, чего ни один «монарх» вовремя не расчухал. В этом — ужас (если бы это поняли). В этом — слабость и красной гвардии:

дети в железном веке; сиротливая деревянная церковь среди пьяной и похабной ярмарки. Разве я «восхвалял»? (Каменева). Я только констатировал факт: если вглядеться в столбы метели на этом пути, то увидишь «Исуса Христа»...» Были и расхожие суждения о поэме бульварной прессы. 14 марта А. Блок от-

мечает в записной книжке как «Угрюмый день». И вклеивает вырезку из газеты «Петроградское эхо»: «За последнее время Блок написал целый ряд стихов в большевистском духе, напоминающих солдатские песни в провинциальных гарнизонах. То, что Блок сочувствует большевикам — его личное дело. В своих убеждениях писатель должен быть свободен, и честь и слава тому, кто во имя этих убеждений смело идет против течения, — но зачем же писать скверные стихи? Когда любят девушку — ей несут в виде подарка золото и цветы, и никто не несет кожуру от картошки».

Но помимо всех этих толков была и реакция общественного мнения, «бюрократии общественной». Эта реакция, как и всегда, у нас со времен А. Пушкина и М. Лермонтова была самой небезобидной. После статьи «Интеллигенция и революция» 22 января: «Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно. Статья «искренняя, но нельзя простить». Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили! Правда глаза колет». В неотправленном же письме З. Гиппиус он писал, что «нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й»... «16 февраля. Г-н Пришвин хаит меня в «Воле страны», как не хаял самый лютый враг». («Большевик из балаганчика»). Правда, потом, многие годы спустя М.Пришвин, раскаиваясь, сам удивлялся тому, как он мог не разглядеть того, что так глубоко и ясно было постигнуто А.Блоком... 13 апреля поэт отмечает в записной книжке: «А З.Н. Гиппиус меня и за человека не считает». Она под именем Антона Крайнего в вечерней газете «Новые ведомости» публикует статью «Люди и нелюди». О представителях художественной интеллигенции, сотрудничающих с Советской властью, Блоке, Бенуа, Есенине там было сказано: «Они не ответственны. Они — не люди».

но потому, что читалась поэма. А ранее, 17 марта, Андрей Белый пишет А. Блоку остерегающее и тревожное письмо: «Читаю с трепетом Тебя. «Скифы» (стихи) — огромны и эпохальны, как «Куликово Поле». ...По-моему, Ты слишком неосторожно берешь иные ноты. Помни — Тебе не «простят» «никогда»... Кое-чему из Твоих фельетонов в «Знамени Труда» и не сочувствую, но поражаюсь отвагой и мужеством Твоим. Помни: Ты всем нам нужен в... еще более трудном будущем

нашем... Будь мудр: соединяй с отвагой и осторожность». И ведь не простили-таки

13 мая на вечере «Арзамаса» в Тенишевском училище, где Любовь Дмитриевна читала «Двенадцать», отказались участвовать Пяст, Ахматова, Сологуб. Имен-

(см. «Пред ликом родины суровой я закачаюсь на кресте». О тайне смерти Александра Блока. В кн. «До разгрома и после него», М., «У Никитских ворот», 2016). Примечательно, что А. Белый видит опасность, грозящую поэту не за поэму «Двенадцать», не за «кощунство», а за стихотворение «Скифы». Ведь в этом стихотворении А.Блок постигает совершенно новое положение России в мире, то, что он определил как «Азия—Европа». Среди почитателей и друзей поэта ходило мнение, что «Двенадцать» соответствует «Медному всаднику», а «Скифы» — «Клеветникам России». И это действительно так. Не случайно наши неолибералы и до сих пор не могут простить Александру Блоку «Скифов». Во всяком случае, в начале 90-х годов ни в чем не усомнившись, демагогически поносили его за якобы

торжество грубой физической силы. Пред этим и «кощунство» поэта в «Двенад-

цати» забылось...

Но обратимся собственно к поэме «Двенадцать». Само название поэмы, то, что красногвардейцы идут за Христом, их имена — все говорит о том, что поэма имеет Евангельскую основу. Казалось бы, Блок, всю жизнь читавший Евангелие, приступая к поэме, вновь перечитывает его. 10 января записывает: «Мама прислала Евангелие». В высшей мере примечательно, что не до написания поэмы, а уже потом, когда она была создана, у поэта появляются «страшные» мысли. 18 февраля он отмечает в записной книжке: «Что Христос идет перед ними — несомненно. Дело не в том, «достойны» ли они его, а страшно то, что опять Он с ними, и Другого пока нет; а надо Другого — ? — Я как-то измучен...» 20 февраля заносит

раля он отмечает в записной книжке: «Что Христос идет перед ними — несомненно. Дело не в том, «достойны» ли они его, а страшно то, что опять Он с ними, и Другого пока нет; а надо Другого — ? — Я как-то измучен...» 20 февраля заносит в дневник: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы «недостойны» Иисуса, который идет с ними сейчас, а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел другой».

Эти думы о Другом, безусловно, являются неким распространенным в обществе богоискательским влиянием и поветрием, которое всегда есть первый шаг к атеизму. Но поэт после страшных и мучительных мыслей оставляет Христа с на-

родом. С таким народом, каков он есть — истерзанным революцией, изверившимся и «кощунствующим»... Но разве поэт и персонажи его поэмы кощунствуют? Если и кощунствуют, то как-то странно. Здесь нет богоборчества, так как с первых строк признается Божье устройство мира: «Ветер, ветер — на всем Божьем свете!..» И тема поэмы — не столько революционное шествие красногвардейцев «державным шагом», а — брань духовная, так как враг незрим: «Их винтовочки стальные / На незримого врага». Так неучтиво — о священнике: «Что нынче не веселый, / Товарищ поп?» И одергивание Петьки, чтобы он «не завирался»: «От чего тебя упас / Золотой иконостас?». Но это ведь вовсе не о вере, не против веры, а скорее о зем-

ной Церкви. Бог не бывает поругаем, а с Церковью бывает всякое... Вот она — драма русской жизни: «Мировой пожар в крови — Господи, благослови!» На мировой пожар, на революцию, атеистическую по самой своей природе, на право пальнуть пулей в «Святую Русь» испрашивается благословение... у Господа. Это кажется недопустимым, невозможным и немыслимым. Но в таком случае это — не «кощунство», а нечто совсем иное, разумом непостижимое. Ка-

кая-то иная вера... Как это просить благословения у Господа на такое? Это воз-

можно лишь при условии, если человек остается с Богом. Неверующие, атеисты, нехристи к Богу не обращаются... Так трудно у нас в России оставаться верующим, правоверным. Нет спасу от указывающих «дорогу к храму». Россия гибнет? России больше нет? Да нет же: «A — ты все та ж, моя страна, /

В красе заплаканной и древней». А если революция— не гибель тысячелетней России, а закономерная трагедия, выходящая из ее предшествующей трагедии? Да, народ оказался с атеистической властью. Так доняла его синодальная церковь.

Разве не было у нас Раскола и не было трехсотлетнего гонения за правую веру с такой жестокостью, до какой не доходили атеистические большевики? Когда читаешь «Двенадцать статей» царевны Софьи, кровь стынет в жилах. Это вам — не

двенадцать красногвардейцев, «без имени святого», со «святой злобой», которым «ничего не жаль». И будем все же помнить о том, что патриаршество в России упразднено царем, а восстановлено Генеральным секретарем правящей партии... Об этом главным образом поэма Александра Блока «Двенадцать». Об этом свиде-

дельштамом, писавшим: «Не надивишься историческому чутью Блока. Еще задолго до того, как он умолял слушать шум революции, Блок слушал подземную музыку русской истории...» Очевидно, что только для записных «патриотов», как

тельствует ее финал, где — «И за вьюгой невидим / И от пули невредим»;

В белом венчике из роз — Впереди — Исус Христос.

Имя Спасителя дано в староверческом, старообрядческом написании — **Исус**, а не в позднейшем, никоновском Иисус... Как тут не согласишься с Осипом Ман-

прошлых, так и нынешних, А. Блок все еще остается «декадентом». И они сдали его наследие на растерзание никонианцам и либералам. Разумеется, в их идеологических целях. Сдали тем, для кого народ в своей «святой злобе» представляется «падшим»... И они снисходительно спускаются к народу, дабы его обличить и вновь «исправить». Но кто спускается к народу, по словам самого поэта, тот проваливается... Если красногвардейцы идут за Христом, олицетворяющим старую, правую веру, это значит, что идеалом человеческой жизни для них остается тот уклад, до Никоновской «реформы», точнее до погрома Православной церкви. А то, что было после «реформы», до раскольничего Собора 1666—1667 годов, подлежит революционному уничтожению. Значит, они в своем революционном порыве разрушают не христианский мир вообще, но «старый мир» — «с попом», «иконостасом», но без веры... Потому у них «злоба святая», какой она вроде бы и быть не может: «святая» — то есть не беспричинная. Видимо, поэтому такой, казалось,

объяснить появление в поэме имени Спасителя в таком его написании, пожалуй, невозможно.

Очень важно, что богоборческих мотивов в «Двенадцати» нет, при всем при том, что герои поэмы «без имени святого». Есть антицерковные настроения, но это ведь не одно и то же, это ведь совсем не богоборчество и даже не атеизм: «товарищ поп», «иконостас», ни от чего не упасающий... Разумеется, без «посредничества» зем-

верующий народ вдруг стал «атеистом». Не атеистом, а что называется, довели, допекли беспрестанными насилиями, такими, пред которыми меркнут насилия революционеров, с сожжением на кострах, как в западной инквизиции... Иначе

не одно и то же, это ведь совсем не богоборчество и даже не атеизм: «товарищ поп», «иконостас», ни от чего не упасающий... Разумеется, без «посредничества» земной Церкви человеку никак не уверовать. И те, кто сетуют на то, что у этой Церкви много обряда и догмата и мало истинной веры, а потому-де они, как Моисей, обращаются к Богу «напрямую», тем самым демонстрируют свое безверие и духовную несостоятельность. А вот почему в народе эти антицерковные настроения оказались столь сильными, настроения, ставшие водой на мельницу революционным разрушителям, на этот вопрос художник обязан ответить. И Александр Блок

в своей поэме «Двенадцать» на этот вопрос отвечает. Не декларативно, конечно, а

ложение России в мире: «Азия и Европа», то в поэме «Двенадцать» он представляет новое положение и состояние человеческой личности в условиях разбушевавшейся стихии («черного ветра»), с которой и царям не совладать. Как существо духовное человек не может быть без веры, а значит, богоборчество, атеизм выходом из этого положения быть не могут, не являются по определению. Это скорее срыв, крах личности, выход ее за пределы своей природы, извращение пути своего на земле. Но если предстоит «переделать все», значит, надо заменить и Его? Значит, надо выбрать и другого Бога? Нет, другого символа веры, другого Спаси-

иносказательно. Если в стихотворении «Скифы» А. Блок представляет новое по-

теля быть не может, как не может быть служения иным богам, ибо это означает гибель личности: «Берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше, и вы не уклонились, и не стали служить иным богам» (Второзаконие, 11, 16). Другого не мо-

жет быть так же, как не может быть *выбора* веры, ибо вера — не одежка, которую можно сбрасывать в зависимости от погоды, то есть в зависимости от тех или иных условий человеческого бытия. Значит, должна быть не другая, а истинная, правая вера. И поэт после *страшных* мыслей, несмотря ни на что, оставляет народ с Христом. Оставляет русского человека не только с его исконной верой, но — с *пра*вой верой... Сам поэт колебался идти к Исаакию. В одном из писем 8 января 1921 года к Н.А. Коган он признавался со «слепнущими от ужаса глазами»: «Пой-

мите, хотя я говорю это, говорю с болью и отчаянием в душе; но пойти в церковь все еще не могу, хотя она зовет». А в статье «Интеллигенция и революция» А. Блок писал столь страстно, что от этого и до сих пор приходишь в смущение: «Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мошной, а ду-

раку — образованностью.

нет возможности: а все, однако, замалчивают. Я не сомневаюсь ни в чьем личном благородстве, ни в чьей личной скорби; но ведь за прошлое отвечаем мы? Мы — звенья единой цепи. Или на нас не лежат

Все — так. Я знаю, что говорю. Конем этого не объедешь. Замалчивать этого

грехи отцов? — Если этого не чувствуют все, то это должны чувствовать «лучшие». ...Дворец, разрушаемый — не дворец. Кремль, стираемый с лица земли — не кремль. Царь, сам свалившийся с престола — не царь. Кремли у нас в сердце, цари — в голове. Вечные формы, нам открывающиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой».

Может быть, из этого уже извлечен урок, и не пристало нам вспоминать старое? Как бы не так. Канонизирован же Максим Грек, осужденный двумя церковными Соборами за еретическую правку богослужебных книг. Канонизирован к 1000-летию Крещения Руси. Ну называется же преподобный Иосиф Волоцкий российским, в духе либеральных газет, а не русским Чудотворцем... И «правка» в молитвы вносится, в которых «он уже не русская, а российская звезда (тропарь,

глас 5). В этом всякий может убедиться по многим изданиям Иосифо-Волоцкого монастыря. Конем этого действительно не объедешь... Революционное крушение страны, точнее, ее государственности, Александр

Блок воспринимал как неизбежный и закономерный итог проводимой несправедливой политики. Пред ним, как ни пред кем из его современников, во всем трагизме предстала не тема даже, а огромная духовная человеческая задача возмез- ∂us . Это было под силу только человеку «бесстрашной искренности» (М. Горький).

Нам трудно теперь даже представить переживаемое им и его современниками. Но о многом говорит это: А. Блок, стесняющийся получать в Союзе писателей причитающуюся ему ржавую селедку, и И. Бунин, уплывающий в эмиграцию, покидающий Россию навсегда и требующий у капитана особых, «соответствующих» его статусу, привилегированных условий эмиграции... Тут ни сорок Моисеевых. ни семьдесят советских лет не вразумляют... Соотносить изображенное А. Блоком в поэме «Двенадцать» с нашим нынешним житием, потрепанным неореволюционным анархизмом и беззаконием, страшно, как заглядывать в некую разверзшуюся бездну... В «Записке о «Двенадцати» А. Блок писал: «Посмотрим, что сделает с этим время». С поэмой «Двенадцать» сделалось то же, что и со всей русской литературой: по сути, изъятие ее из общественного сознания и изгнание из образования, сбрасывание с «корабля современности» теперь уже иным, «рыночным» способом. Случилось со «временем». Опять — революция, как разрушение, но теперь уже криминальная и бескрылая. Без всяких не то что идеалов, но и каких-либо порывов. Это — реабилитация всего самого низкого в человеке. Истребление всего живого. Безответственное потребление, а на деле «печной горшок», который якобы всего дороже, и то — полупустой... Но ведь возрождается духовность слышу возражение вышколенного лукавой информационной пропагандой обывателя. Но так, по указанию и разрешению, «дорога к храму» не обретается. Так она скорее теряется. На это можно сказать Евангельской мудростью, что «бес дважды в одном и том же обличии не приходит». Или — стихами современного талантливого поэта Николая Зиновьева: «Ужасная эпоха. / За храмом строим храм. / Твердим, что верим в Бога, / но Он не верит нам...» Те, кто по своей порочности сделали это преступление разрушения страны, го-

Те, кто по своей порочности сделали это преступление разрушения страны, говорят, что социалистический «эксперимент» в России не удался, что мы семьдесят лет «падали». Но то, с какими остервенением и злобой, с каким обманом разрушался наш уклад жизни, стяжаемый такими трудами и жертвами, свидетельствует об обратном. Говорит о том, что потому он так нещадно и разрушался, что был неким новым шагом в человеческой цивилизации, что его следовало развивать и совершенствовать, а не отбрасывать и не ломать. Это подтверждается и тем, что разрушители взамен отброшенного ничего положительного предложить не смогли. Не смогли по самой своей упрощенной природе. И человека, сотворенного по Божьему образу и подобию, выделенного душой и разумом из природы, возвратили в стойло окаянства, в звериное состояние, когда «в человеке просыпается обезьяна» (И. Бунин). И сколько теперь народных сил необходимо для преодоления этого срыва, зигзага истории, провала в нашем цивилизационном развитии.

Этому всему укором незыблемо стоит поэма А. Блока «Двенадцать». Новой поэмы о новой революции нашего времени не появилось. О той и об этой революции, о всех революциях и сто лет спустя, продолжает говорить поэма Александра Блока «Двенадцать».